

[Рец на: / Review of:] **L. Baunaz, K. de Clercq, L. Haegeman, E. Lander (eds.). *Exploring Nanosyntax***. Oxford: Oxford University Press, 2018. 360 p. ISBN 978-0190876753.

Евгения Евгеньевна Романова

Eugenia E. Romanova

Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия; evgeniya.romanova@icloud.com

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; evgeniya.romanova@icloud.com

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.6.130-138

В 2006 г. в университете Тромсё прошла серия семинаров Михала Штарке, на которых он излагал свои взгляды на морфосинтаксические процессы, получившие название «наносинтаксис», а уже в 2009 г. вышел специальный выпуск университетского журнала по лингвистике «Nordlyd» (36(1)), полностью посвященный новому подходу к изучению морфологии и самим фактом своего появления ознаменовавший начало активных наносинтаксических исследований. Промежуточные итоги этих исследований мы наблюдаем в рецензируемом сборнике: за десять лет наносинтаксическое представление о языке окрепло и обросло принципами, ограничениями и теоремами.

Вполне справедливо сравнивать наносинтаксис с распределенной морфологией, поскольку они произошли от общего предка (картографического подхода). Хотя пока и рано говорить о том, какой из подходов выиграл эволюционную конкуренцию, можно смело подчеркнуть превосходство наносинтаксиса при анализе нескольких явлений. Среди них, прежде всего, следует упомянуть морфемы-портманто, реализующие множественные признаки, и феномен синкретизма — омонимию морфем, лексикализирующих узлы функциональной последовательности, прилежащие друг к другу в так называемой функциональной зоне. Подробнее об этом будет рассказано ниже.

Данный сборник вносит серьезный вклад в развитие гипотезы универсальной грамматики. С точки зрения наносинтаксиса универсальными являются и морфосинтаксические признаки, и иерархическая последовательность функциональных вершин (fseq), лежащая в основе синтаксических структур. Морфосинтаксические признаки подобны элементарным частицам: то, в какой конкретной конфигурации они реализуются или, другими словами, лексикализируют функциональную последовательность, отличает один язык от другого. Отсюда и название подхода.

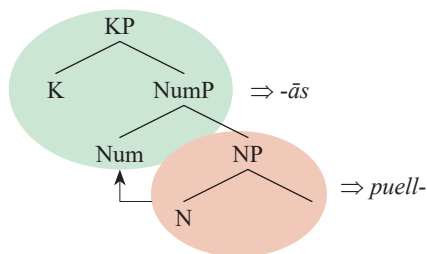
Книга состоит из трех частей и 12 глав-статей. Первая часть посвящена истории вопроса и общим сведениям о подходе, вторая часть затрагивает анализ эмпирических данных, а третья касается дальнейшей разработки теоретических основ наносинтаксиса.

Сборник открывает статья Лены Бауназ и Эрика Ландера «Наносинтаксис. Основы». Несмотря на то что, поднимаемые в ней вопросы рассматриваются и далее, ознакомиться с инструментарием и основными понятиями теории в самом начале книги представляется очень уместным. Здесь мы узнаем, из чего выросла теория наносинтаксиса. Ее предшественником были картографические исследования [Abney 1987; Szabolsci 1994; Cinque 1999; Rizzi 2004], то есть исследования последовательности функциональных вершин в предложении (в клаузе) и в субстантивной группе. Десятилетия коллективных усилий лингвистов, работающих над сопоставлением языков с точки зрения расположения функциональных проекций в древесной структуре, привели к впечатляющим результатам: в языках, не связанных между собой ни исторически, ни типологически, наблюдается одна и та же цепочка T(время)-Asp(аспект)-v-V(глагол) на уровне предложения и D(определитель)-Q(квантор)-Num(число)-N(существительное) на уровне субстантивной группы. Эту предпосылку наносинтаксис принимает за аксиому.

Уже в картографической картине синтаксиса принят принцип ОФОН: «One feature — one head» ('один признак — одна вершина'), то есть каждый морфосинтаксический признак проецирует собственный участок дерева. Данный принцип основан на работах Ричарда Кейна [Kaune 1994; 2005], из которых следует, что у всех структур строго бинарное ветвление, у каждой вершины только один спецификатор и передвижение разрешается исключительно влево. Это приводит к построению деревьев разного размера, поскольку, например, в агглютинативных языках каждый признак отдельно реализуется в структуре предложения, а в синтетических языках, как известно, разные признаки реализуются в морфемах-портманто. Другим важным условием, принятым в наносинтаксическом подходе, является отсутствие границы между синтаксисом и морфологией. Это напоминает распределенную морфологию (Distributed Morphology), однако последняя прибегает к особым постсинтаксическим морфологическим операциям (fusion 'сращение', fission 'расщепление' и т. д.). В наносинтаксисе постсинтаксические операции отсутствуют. Бауназ и Ландер подробно сравнивают механизмы работы распределенной морфологии и наносинтаксиса. Их отличает не только выделение или невыделение морфологии в отдельный модуль, но и отношение к лексикону — хранилищу лексической информации, из которой вычислительная система черпает материал для включения в синтаксическую структуру.

Лексическая единица в наносинтаксисе состоит из трех ячеек для хранения информации: одна отводится для хранения фонологической формы, другая — для синтактико-семантической структуры, а третья — для концептуальной (энциклопедической) информации. То есть лексикон в наносинтаксисе определяется в качестве сборного модуля SMS — SyntaxMorphologySemantics (синтаксис-морфология-семантика). В распределенной же морфологии разная лексическая информация хранится в разных списках. Наносинтаксис работает в двух параллельных направлениях: из (суб)морфемных признаков он создает иерархические структуры, которые могут охватывать несколько вершин, расположенных друг за другом в функциональной последовательности, и эти иерархические образования отправляются в лексикон. Таким образом, лексикон в наносинтаксисе постсинтаксический, а не досинтаксический. Например, морфема-портманто *-ās* в латинском слове *puellās* 'девочек' реализует два признака: винительный падеж и множественное число. В агглютинативных языках каждый признак получает отдельное воплощение: в финском языке *karhuille* 'на медведей' содержит экспоненту множественного числа *-i* и маркер аллативного падежа *-lle*. Известно, что падеж K и число Num являются вершинами в составе субстантивной функциональной проекции, из чего следует, что латинский суффикс-портманто реализует не терминальные узлы, а целую синтаксическую группу (с. 18), при этом NP (именная группа) — тоже фразовая составляющая.

(1)

Таким образом, уже имеющая синтаксическую структуру морфема *-ās* отправляется в хранилище лексической информации. Оттуда она будет извлечена уже с фонологической и концептуальной информацией, чтобы отобразить лексическое дерево на синтаксическую функциональную последовательность. Данная система представляет собой бесконечный цикл, который с помощью одних и тех же операций создает лексические деревья и синтаксические деревья, накладывает первые на вторые и отправляет вторые в лексикон, чтобы использовать их для дальнейшего синтаксического строительства. Структуры,

создаваемые синтаксисом, называются синтаксическими деревьями или S-trees, структуры, отправляющиеся на хранение в лексикон, называются лексическими деревьями или L-trees.

Наиболее успешно наносинтаксический подход применяется для анализа случаев синкретизма: случаев совпадения фонологической формы у различных морфо-синтаксических структур. На заре становления наносинтаксиса его основатель Михал Штарке выводил его первые принципы из синкретичной морфемы *-ed* в английском языке (с. 311).

(2) $[_{\text{PastTP}} F_{n+3} [_{\text{Eventive Passive}} F_{n+2} [_{\text{Resultant State}} F_{n+1} [_{\text{Target State}} F]]]]$

В (2) под F понимается некий признак, который реализуется с помощью наложения лексического дерева на синтаксическую структуру. Неформальный принцип наносинтаксиса гласит: «Чем больше ты делаешь, тем ты больше». Это означает, что чем большее количество признаков ты реализуешь, тем больше твоя структура. Из схемы (2) видно, что самая большая структура, включающая четыре уровня, соответствует PastTP (временной вершине прошедшего времени), а самая маленькая — target state, обратимому состоянию. Лексическое дерево должно содержать все четыре уровня, синтаксическое, в зависимости от каждого конкретного случая, может остановиться на уровне target state, а может потребовать лексикализации большего количества признаков. Один из основных законов функционирования лексических и синтаксических деревьев относительно друг друга называется «Принцип супермножества» (Superset Principle) и звучит так:

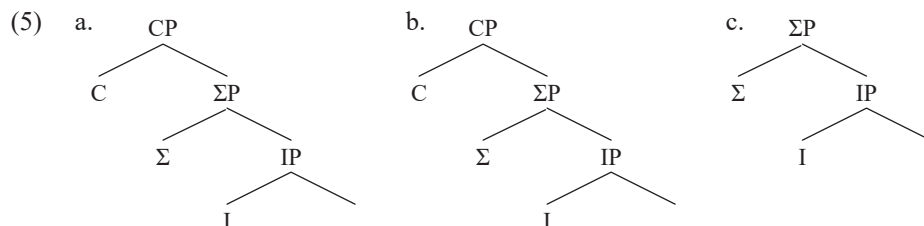
(3) Принцип супермножества [Caha 2009: 67]

Лексическое дерево L может соответствовать синтаксическому дереву S, если L — супермножество (в т. ч. правильное) по отношению к S. L соответствует S, если L содержит узел, идентичный узлу в S, и все узлы, располагающиеся ниже, также идентичны.

При лексикализации синтаксического дерева так же важен и другой принцип — принцип предпочтения частных закономерностей (Elsewhere Principle) (с. 30):

(4) Если одно синтаксическое дерево может быть лексикализовано более чем одним лексическим деревом (в соответствии с принципом супермножества), предпочтается L-дерево с наименьшим количеством избыточного материала.

Бауназ и Ландер демонстрируют работу этого принципа (как и принципа супермножества) на примере сильных и слабых местоимений во французском языке. Лексическое дерево для обоих типов местоимений женского рода представлено одной словарной единицей /*el*/ (*elle*) (5a), которая может лексикализировать две разные синтаксические структуры: (5b) для сильной и (5c) для слабой¹.

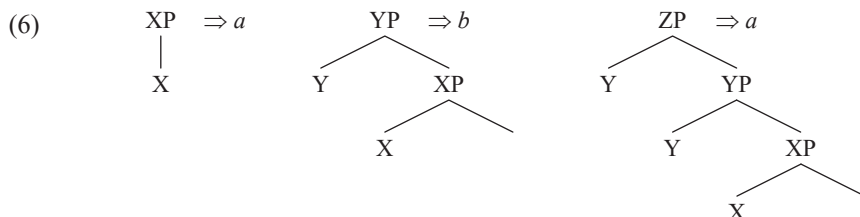

У местоимений мужского рода есть выбор: две лексические единицы конкурируют друг с другом за лексикализацию синтаксического дерева в (5-с): *lui* ‘его’ и *il* ‘он’. Исходя

¹ ΣP — просодическая проекция, присутствующая как у сильных, так и у слабых местоимений в отличие от клитик. CP, вероятно, отвечает за референциальные признаки и/или признаки одушевленности. К сожалению, в главе нет расшифровки этих сокращений.

из принципа супермножества, местоимение *lui* должно выиграть эту конкуренцию и озвучить оба синтаксических дерева подобно *elle*. Однако лексическое дерево *lui* содержит на один признак (С) больше, чем лексическое дерево *il*, структура которого полностью совпадает с (5-с). Принцип предпочтения частных закономерностей предопределяет выигрыш второго L-дерева для озвучивания S-дерева в (5-с).

Перед обсуждением третьего важнейшего принципа наносинтаксиса авторы обращаются к одной из важнейших его теорем, а именно к теореме *АВА, которая вытекает из предыдущих двух принципов. Схемы на с. 31 (повторенные здесь в (6)), демонстрируют, что структуры, лексикализуемые синкретичной морфемой, должны быть строго смежными по отношению друг к другу.

Здесь *a* и *b* обозначают два разных лексических дерева, так что *a* вставляется в синтаксические деревья XP и ZP, а *b* — в синтаксическое дерево YP. Финские и английские примеры на с. 48, цитируемые из работы [Саха 2009], показывают, как данная теорема отражает эмпирические факты. Частичная функциональная последовательность, предлагаемая для анализа падежной структуры, выглядит так: NOM-ACC-GEN (именительный-винительный-родительный). В финском языке синкретичными являются ACC и GEN, в английском — NOM и ACC: *karhu-Ø* — *karhu-n* — *karhu-n*, *bear-Ø* — *bear-Ø* — *bear-s*. Теорема *АВА исключает случаи синкретизма именительного и родительного падежей. Согласно авторам, такой синкретизм невозможен благодаря действию принципа предпочтения частных случаев.

Наконец, третий принцип, принцип цикличной отмены решения (cyclic override), синонимичен теореме «Выигрывает крупнейший», упомянутой выше в неформальном изложении («чем ты больше, тем больше ты делаешь»).

(7) Принцип цикличной отмены решения

Предыдущие лексикализации отменяются более поздними лексикализациями.

Для иллюстрации действия данного принципа авторы вновь прибегают к французским местоимениям: сильным (например, *lui* ‘его’), слабым (*il* ‘он’) и клитикам (*le* ‘его’). На с. 33 показано, как идет деривационный процесс снизу вверх. Сначала проецируется нижний уровень IP, который лексикализуется клитикой. После добавления просодического уровня SP предыдущая лексикализация отменяется и вместо *le* в синтаксическое дерево вставляется *il*. При добавлении следующего уровня, CP, предыдущая лексикализация вновь отменяется и местоимение воплощается в *lui*.

В описанном выше наносинтаксическом инвентаре на данном этапе не хватает только передвижения, вызванного необходимостью озвучивания (spellout-driven movement). Данная операция нужна для того, чтобы не нарушать структурную целостность составляющих, поскольку для наносинтаксиса, в отличие от конкурирующего подхода под названием спаннинг² (spanning), озвучиваться могут только составляющие. В третьей главе данного сборника Таральд Таральдсен покажет, почему озвучивание составляющих предпочтительнее, хотя в некоторых вопросах спаннинг и кажется более приемлемым

² Этот термин я не могу перевести на русский язык, а потому заимствую напрямую.

(например, при анализе портманто из предлога и артикля в ряде романских языков). Для реализации передвижения, вызванного необходимостью озвучивания, предлагается следовать строгому алгоритму (с. 37):

(8) STAY > CYCLIC > SNOWBALL

STAY означает ‘оставаться как есть’, CYCLIC соответствует циклическому передвижению, SNOWBALL, по всей вероятности, описывает структуру, растущую как снежный ком в результате добавления проекций новых признаков.

Вкратце этот алгоритм начинается с одной проекции — скажем, GP в составе HP, — которая лексикализуется с помощью материала, имеющегося в лексиконе. Поскольку рост конструкции идет снизу вверх, к GP добавляется проекция нового признака F, и теперь лексикон нужно проверить на наличие лексического дерева $[_{FP} F [_{HP} [GP] \dots]]$. Если такого дерева в лексиконе нет, крайняя левая дочка сестры F GP передвигается влево от F, и теперь проверка идет на наличие в лексиконе дерева $[FP [HP \dots]]$. Если и такого дерева нет, циклическое передвижение отматывается назад, и влево от F перемещается вся его сестра $([_{HP} [GP]])$. И так далее. Этот тип передвижения не оставляет следов.

Итак, все основные постулаты наносинтаксиса представлены, и можно переходить к краткому описанию содержания последующих глав.

Во второй главе («Замечания о вставке лексического материала в распределенной морфологии и наносинтаксисе»), написанной Павлом Цахой и посвященной детальному сравнению распределенной морфологии и наносинтаксиса, автор достаточно жестко критикует конкурентов и отвечает на критику наносинтаксиса со стороны лингвистов, работающих в рамках распределенной морфологии. Это достаточно увлекательная работа, полная полемического запала. Цаха напоминает своим критикам о тех не очень далеких временах 25-27 лет назад, когда они сами подвергались нападкам со стороны теоретиков предыдущих морфологических теорий. Тогда распределенную морфологию обвиняли в излишней «барочности» операций, теперь те же слова слышат наносинтаксисты от некогда гонимых старших товарищей. Однако, Цаха и сам признает «барочность» наносинтаксической системы. Все-таки операция, требующая эвакуации лексического материала из проекции, а потом ее возвращения с возможной повторной эвакуацией (readjustment ‘повторная юстировка’), — это достаточно изощренно.

Третья глава («Спаннинг против лексикализации составляющих на примере приставок-портманто») написана выдающимся норвежским лингвистом (Кнутом) Таральдсом Таральдсеном и вводит уже упомянутое понятие спаннинга. Таральдсен демонстрирует ненужность этого нововведения, для чего ему приходится прибегнуть к одному забытому ограничению: на двойное заполнение вершины и спецификатора в проекции комплементаратора (doubly filled COMP constraint).

Вторую часть открывает глава, написанная Михалом Штарке («Замечания о вопросительных частицах, рассматриваемых в работе Кима в качестве местоимений»). По своему обыкновению, Штарке краток (в главе меньше пяти страниц), но он настолько сжато излагает свои мысли, что объема работы вполне достаточно для раскрытия сути проблемы (объединенного анализа местоимений в качестве одновременно вопросительных частиц и прономинальных элементов) и ее решения.

Статья Эрика Ландера и Лиляна Хэхеман («Синкретизм и включение в пространственном дейксисе») описывает лексикализацию признаков, составляющих указательные местоимения с двух позиций: с позиции расстояния от говорящего и с позиции дейксиса. Авторы считают, что пространственные признаки не следует отделять от дейктических. Анализ строится на богатом материале синкретической морфологии, наблюдаемом в семнадцати языках. Среди этих языков присутствуют как достаточно малоизученные (австро-незийские, австроазиатские, нигерконгские), так и хорошо узнаваемые индоевропейские. Изобилующая эмпирическими данными глава вносит важный вклад и в развитие наносинтаксиса, и в укрепление позиций гипотезы универсальной грамматики.

Статья Лены Бауназ («Декомпозиция комплементаторов. Функциональная последовательность французских, новогреческих, сербо-хорватских и болгарских комплементаторов») также затрагивает проблему синкретизма, теперь в области комплементаторов. Декомпозиция комплементаторов и описание соответствующей fseq ведет к разработке гипотезы о прямой связи между количеством признаков и семантической маркированностью (чем меньше признаков содержит fseq, тем менее семантически маркирована та или иная единица [Starke 2001]). Автор называет свое новаторство признаковой относительной минимальностью (по аналогии с [Rizzi 2004]). Эмпирический материал содержит огромное количество тонких интерпретаций, и потому сложность главы растет с каждой страницей, достигая кульминации на с. 176, содержащей новую, наносинтаксическую, классификацию комплементаторов.

В статье Карен де Клерк «Синкретизмы и морфосинтаксис отрицания» автор пользуется синкретизмом как инструментом для раскрытия структуры отрицательных морфем. Таблица на с. 194 обобщает разнообразные типы отрицательных маркеров, их семантические характеристики и сферы действия, и от этой таблицы автор отталкивается при анализе синкретических морфем в девяти языках.

В статье «Наносинтаксис русских глагольных приставок» Инна Тольская подробно рассматривает несколько уровней декомпозиции, в частности декомпозицию события, опираясь на работу [Ramchand 2008], и декомпозицию пути, опираясь на работу [Pantcheva 2011]. Кроме того, автор использует собственный анализ русских глагольных приставок из более ранних публикаций [Tolskaya 2014]. Приставки представлены в двух ипостасях — в лексической и супралексической. По мнению автора, концептуальное ядро каждой приставки остается неизменным, оно вместе с синтаксической позицией, в которой приставка присоединяется к структуре (сначала лексического дерева), определяет окончательную ее интерпретацию. Особый интерес вызывает параллельный анализ приставки и соответствующего ей предлога, поскольку в таком ключе он применяется впервые. Основой анализа служит, конечно, fseq, состоящая из трех элементов пути: структурно самого простого — цели (goal), более сложного — источника (source) и маршрута (route), являющегося супермножеством по отношению к остальным структурам. В зависимости от типа приставки (то есть от ее синтаксической позиции) путь имеет пространственную или временную интерпретацию. Однако, следует оговориться, что при лексикализации супралексической приставки вместо цели, источника и маршрута мы имеем дело с декомпозицией события на начало (inception), завершение (completion) и протяжение (duration). Предлоги, дублирующие приставки (обычно лексические), реализуют те же самые пространственные пути, что и приставки (например, *до-* и *до*). Приставки с дублирующими предлогами, приставки без дублирующих предлогов и приставки, изменяющие аргументную структуру глагола, подвергаются разному наносинтаксическому анализу. В случае с приставками с дублирующими предлогами PP (предложная группа) состоит из двух параллельных структур — PrefP (группы приставки) и PathP (группы пути). Лексическое дерево, представляющее приставку, может озвучивать либо первую, либо часть второй. Приставки, изменяющие аргументную структуру, например *пере-*, как в *переплыть реку*, лексикализуют обе параллельные проекции одновременно (в случае отсутствия предлога). Если за глаголом с такой приставкой следует группа предлога (*переплыть через реку*), анализ будет схож с анализом приставок без дублирующих предлогов (например, *вы-* и *из*). С приставками непространственного значения (например, *от-* в *отварить чечевицу*) параллельную структуру образует шкала, разложенная на те же составляющие, что и путь (цель, источник, маршрут). Наконец, параллельные структуры супралексических приставок содержат PrefP и опять же шкалу, но в этом случае шкала раскладывается на Asp (аспект) и составляющие, знакомые по работам Джиллиан Рэмченд (см., например, [Ramchand 2008]): init (инициатор) и pproc (процесс). Обе структуры входят в группу предлога.

Третью часть, посвященную теоретическим сложностям подхода, открывает еще одна статья Михала Штарке — «Сложные левые ветви, озвучивание и приставки». В этой статье

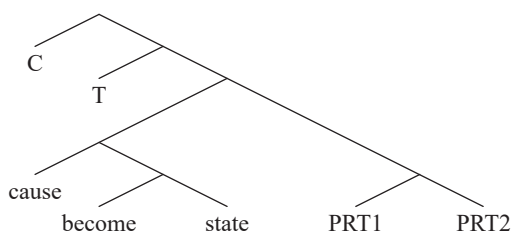
речь снова заходит об основах наносинтаксиса, то есть об индивидуальных признаках, соответствующих терминальным узлам дерева, и о лексикализации этих признаков. Особое внимание здесь уделяется асимметрии между синтаксической реализацией суффиксов и приставок. Суффиксы получаются с помощью передвижения, вызванного необходимостью озвучивания составляющей. Так, в простой структуре с тремя терминальными узлами суффикс становится составляющей только после передвижения VP (группы глагола): [T [Asp [VP]]], при этом в структуре остается намек на то, что у аспекта до передвижения был комплемент (аспект представлен тогда как вершина). В случае же с приставками структура другая. Она не предполагает передвижения ради озвучивания составляющей и содержит в своем составе сложную вершину: [[T Asp] VP]. Таким образом, VP не мешает лексикализации приставок и мешает — и потому освобождает место комплемента аспекта — лексикализации суффиксов. Далее предложенная теория применяется к ряду функциональных последовательностей (CP-T-Wh; глаголы и частицы), и читателю предлагается алгоритм деривации глагольных приставок. Чтобы не запутаться, нужно обратить внимание на несколько иную структуру, чем была предложена в начале статьи. Речь теперь идет о декомпозиции глагола и частицах, сгенерированных ниже глагольной структуры. В этом случае глагольные компоненты (cause-become-state ‘каузация-переход-состояние’) похожи на описанный выше суффикс T-Asp. Передвинувшись в предглагольное пространство, частицы просто освобождают место и делают возможным озвучивание глагола. Сами же они при этом реализуются как приставки (с. 244).

(9)

Как раз сложнее ситуация в языках, похожих на английский, где глагольные приставки встречаются исключительно редко. Здесь глагол, разложенный на компоненты, генерируется в виде сложной вершины (или спецификатора) рядом с частицей.

(10)

Антонио Фабрегас — автор следующей главы «Порядок слов и наносинтаксис. Предглагольные подлежащие и вопросительные слова в разных вариантах испанского языка» — рассматривает вполне конкретные данные из трех испанских национальных диалектов: европейского, венесуэльского и доминиканского.

Гвидо Ванден Вингард пишет о местоимениях в главе «Структура признаков у местоимений. Изучение многомерных парадигм». Основная сложность главы заключается в многомерном представлении синкретизмов: либо горизонтально (парадигма числа), либо вертикально (парадигма лица), либо сразу горизонтально и вертикально. В ходе анализа богатого межязыкового материала автор пересматривает принцип супермножества и не исключает возникновения синкретизма типа АВА.

Статья Люции Таральдсен-Медовой и Бартоша Виланда («Зоны функциональной последовательности и славянские причастия с суффиксами L>T>N») завершает сборник. Она содержит обновленный взгляд на проблему неэргативности / неаккузативности

в западнославянских языках и предлагает достаточно четкий и оригинальный анализ частей с разными суффиксами.

Как говорилось выше, наносинтаксический подход особенно успешно решает проблему морфологического синкретизма. Обнаружение синкретичных форм (например, в области падежных маркеров) укрепляет теоретические позиции универсальной функциональной последовательности. Кому-то утверждение о неизбежности этой последовательности во всех языках может показаться слишком радикальным. Меня же больше беспокоит перегруженность системы принципами, теоремами и операциями, которые все дальше уведут сторонников наносинтаксиса от идеи минимализма. Более того, описанные в предыдущем разделе принципы, ограничения и операции подвергаются дальнейшей модификации. Так, в статье Гвидо Ванден Вингарда пересмотрен принцип супермножества; во второй статье Михала Штарке добавляются структуры для объяснения различий между морфемами, стоящими перед корнем и после него. Это создает опасность разрастания и без того сложного инструментария до такой точки, после которой данный подход станет неприменим.

При чтении статьи Инны Тольской у меня возникал вопрос о целесообразности применения наносинтаксического подхода к конкретным случаям: не наблюдаем ли мы просто ментальное упражнение, направленное на обкатку нового метода? Чтобы отдать должное проделанной автором работе, следует указать на интересные находки, отражающие параллелизм между эмпирическим материалом и предложенным анализом. Это действительно впечатляет: ведь *source* 'источник' во многих случаях выглядит как супермножество для цели (*goal*) и места (*place*): например, *отойти от дома в тень*. Именно предполагаемые наносинтаксические характеристики приставки определяют ее сочетаемость с предлогами. Но в ряде случаев — и это касается и других примеров из других статей и языков — мне кажется, что форма здесь играет какую-то абсолютную роль, не оставляя места исторической случайности. Скажем, отсутствие дублирующего предлога у приставки *вы-* выглядит как некий фонологический сбой. Учитывая, что *вы-* регулярно сочетается с предлогом *из*, не хотелось бы исключать *вы-* из группы обычных приставок источника (*source*). Так же настораживает и утверждение, что у приставки *пере-* нет соответствующего предлога: фонологическое расхождение между *пере-* и *через* еще меньше, чем между *вы-* и *из*. Не совсем оправданным здесь представляется озвучивание части группы предлога лексическим деревом, отражающим аспектуальную шкалу и даже содержащим группу аспекта (*AspP*) (с. 233). Наконец, достаточно сложно примирить предлагаемую систему с более традиционным пониманием лексической избирательности (*selectional requirement*), которое автор привлекает к объяснению поведения приставок. Может быть, для более детального описания складывающейся системы автору стоило бы развить свою главу в книгу, и тогда многие вопросы были бы сняты.

Разные структуры и разные места присоединения, предложенные Михалом Штарке для суффиксов и приставок, наталкивают на необходимость решения проблемы получения лексиконом синтаксической информации. Каким образом английский глагол определяет, что частица не собирается освободить ему место, передвинувшись влево от него и прикрепившись к нему в виде приставки? Ведь и в английском языке встречаются приставочные глаголы. Как можно заранее знать, имеем ли мы дело с *look over* или *overlook*? Более того, структура, предложенная для английского глагола (см. (10)), исключает появление какого-либо лексического материала между глаголом и частицей. К сожалению, тут также теряется разработанная ранее модель малой клаузы, в которой частица / приставка являлись предикатом и объяснялось, почему зачастую глаголы и частицы делят один аргумент (см., например, [Rothstein 2004]).

Это основные вопросы к изученному сборнику. Однако несмотря на белые пятна и архисложные объяснения, на незначительное количество опечаток и нарушений нумерации примеров, данный труд является событием для лингвистической науки. Думаю, многие ждали его с огромным нетерпением и с огромным же удовольствием прочтут и оценят вклад каждого из авторов. Все статьи написаны на высоком профессиональном уровне

и привлекут в первую очередь знатоков генеративной грамматики и распределенной морфологии. А я могу только позавидовать тем, кто будет читать эту книгу в первый раз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Abney 1987 — Abney S. P. *The English noun phrase in its sentential aspect*. Ph.D. diss. Cambridge (MA): MIT, 1987.
- Caha 2009 — Caha P. *The Nanosyntax of case*. Ph.D. diss. Tromsø: Univ. of Tromsø, 2009.
- Cinque 1999 — Cinque G. *Adverbs and inflectional heads*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.
- Kayne 1994 — Kayne R. *The antisymmetry of syntax*. Cambridge (MA): MIT, 1994.
- Kayne 2005 — Kayne R. *Movement and silence*. New York: Oxford Univ. Press, 2005.
- Pantcheva 2011 — Pantcheva M. *Decomposing Path: The Nanosyntax of directional expressions*. Ph.D. diss. Tromsø: Univ. of Tromsø, 2011.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. *Verb meaning and the lexicon: A first-phase syntax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Rizzi 2004 — Rizzi L. Locality and left periphery. *Structures and beyond. The Cartography of syntactic structures*, 3. Belletti A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2004, 223–251.
- Rothstein 2004 — Rothstein S. *Structuring events: A study in the semantics of lexical aspect*. Malden: Blackwell Publishing, 2004.
- Starke 2001 — Starke M. *Merge dissolves into Move*. Ph.D. diss. Geneva: Univ. of Geneva, 2001.
- Szabolsci 1994 — Szabolsci A. The noun phrase. *The syntactic structure of Hungarian*. Kiefer F., Kiss K. E. (eds.). New York: Academic Press, 1994, 179–275.
- Tolskaya 2014 — Tolskaya I. *Verbal prefixes: Selection and interpretation*. Ph.D. diss. Tromsø: Univ. of Tromsø, 2014.

Получено / received 29.07.2019

Принято / accepted 21.01.2020